

УИЛЬЯМ ЛЛОЙД УОРНЕР

КОРПОРАЦИЯ В ЭМЕРДЖЕНТНОМ АМЕРИКАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ФРАГМЕНТ) *

Корпорация, сообщество и великое общество

Все американцы хорошо знают и глубоко чувствуют, что они живут в текучем мире изменений. И в самом деле, мы не только сознаем, что все части всего нашего общества изменяются, но и глубоко переживаем внутри себя эмоциональное воздействие тех меняющихся значений и ценностей, часто вырастающих из самой сердцевины нашего приватного Я, которое обрушивается на нас и вселяет в нас беспокойство. Это происходит с нами не только потому, что мы стареем, а время идет, но и потому, что мы — способами, которые выходят далеко за границы нашего нынешнего понимания, — является неотъемлемыми частями широкого социального процесса, который в своих переходах и свершениях поглощает всю нашу публичную и частную жизнь.

Корпорации и локальные сообщества в Америке, как все мы хорошо знаем, тоже быстро и стремительно изменяются. Сегодня они не такие, какими были вчера. Завтра они будут не такими, какие они сегодня. Структура и функции крупных корпораций и больших и малых сообществ, равно как и поведение тех, кто занимает в них места, явно отличны от того, какими они были в том хронологически близком, но социально далеком прошлом, которым стала для нас первая мировая война. В условиях могущественного движения нашего общества в будущее, происходящего по мере того, как общество уступает настоятельным требованиям завтрашнего дня, кажется совершенно очевидным, что наш нынешний культурный мир будет изменен, переопределен и переоценен столь радикально, что людям, которым предстоит жить в начале следую-

* Перевод данного фрагмента из книги впервые опубликован в журнале «Социальные и гуманитарные науки» // РЖ. Серия 11. Социология. 1999. № 1. С. 141-169. В настоящем издании он публикуется в новой редакции. Перевод выполнен по источнику: *Warner W.L. The Corporation in the Emergent American Society. N.Y., 1962. P. 1-23.*

шего века, наша нынешняя общественная жизнь, наши корпорации, да и сами мы, пожемся далекими и наделенными такими значимостями, которые нам не дано понять.

Преобразование ментальной, моральной и технической жизни корпоративных предприятий и их едва ли не революционная перестройка, а также сосредоточение американского населения в пространстве и времени сравнительно немногих крупных городских сообществ, рассеянных в настоящее время от севера до юга и от Атлантики до Тихого океана, имеют каждое по отдельности свою особую историю и значимость. Они важны и должны быть поняты. Однако комбинированные влияния этих структур друг на друга – корпорации на сообщество и сообщества на корпорацию – многократно значительнее, нежели показывает поначалу простое арифметическое их сочетание. Если рассматривать развитие структуры и расширение функций корпораций, трансформацию прежде существовавших городских форм и появление нововведений в коллективной жизни наших сообществ в едином комплексе и понять их как единый временной процесс, то мы увидим, что они – корпорация и сообщество – конституируют даже еще более значимый сегмент социальных релей Америки. Природу и значение этого процесса мы с вами здесь и рассмотрим.

Между тем, если увидеть комбинированные процессы переходных изменений в сообществе и корпорации как неотъемлемые составные части эволюционирующего американского общества, где церковь, школа, семья и другие группы тоже движутся вперед и изменяют свое бытие, то тогда, вероятно, мы сможем понять природу этого целостного процесса, обладающего чрезвычайной важностью, как с научной, так и с практической точки зрения. Чтобы взяться за более скромную задачу и изучить собственно сообщество и корпорацию, мы должны также взвалить на себя и бремя решения более широкой задачи. Комбинированные миры корпорации и сообщества будут рассмотрены нами в изменяющемся универсуме американского общества.

Первоочередные задачи этих трех глав состоят, стало быть, в том, чтобы представить и обсудить ряд предположений, касающихся природы и направления нашей эмерджентной социальной жизни, а также процессов развития корпорации и сообщества, эволюционирующих в более широком потоке великого общества. Поскольку многое из того, что я буду говорить, вытекает из моего длительного интереса к эмпирическим исследованиям сообщества, корпорации и более широкого общества и из практического проведения такого рода исследований, то большинство утверждений здесь основывается на данных, полученных в крупных и

небольших американских сообществах, в том числе поселках городского типа, городах, а теперь еще и крупных городских агломерациях, таких как Канзас-Сити и Чикаго. Кроме того, они базируются на исследовании административных карьер и корпоративного поведения нескольких тысяч лидеров наших крупнейших корпораций, а также на недавно завершившемся исследовании военных и гражданских руководителей федерального государства. Также написанное опирается на разворачивающийся в настоящее время крупный проект, посвященный исследованию корпораций, других крупномасштабных организаций и того, что я буду здесь называть «эмерджентным обществом».

Таким образом, внимание будет уделяться, прежде всего, тому особому типу временного изменения, который, на мой взгляд, является необходимой и самой важной частью нашей социальной системы и личностей тех, кто в этой системе живет. Предметом моего интереса будет исследование природы эмерджентных процессов, посредством которых американское общество в целом, его корпорации, сообщества и включенные в них индивиды, эволюционируя, становятся чем-то большим, нежели то, чем они являются сейчас, и чем-то иным, нежели то, чем они были когда-то.

Несколько забегая вперед и опережая всестороннее обсуждение понятия эмерджентного, скажу вкратце, что имеется в виду под эмерджентным американским обществом: по моему убеждению, природа нашего коллектива такова, что изменение встроено в него и является его существенной частью; и наше общество, чтобы быть в каждый данный момент времени тем, что оно есть, должно постоянно изменяться и становиться чем-то иным. Процессы же изменения таковы, что в то время как формы минувшего прошлого впитываются в настоящее и утрачивают свою идентичность, настоящие формы, преобразуемые будущим, становятся чем-то отличным от того, чем они являются сейчас.

В таком эмерджентном процессе прошлое влияет на настоящее, а процессы, становящиеся со временем событиями будущего, уже присутствуют в настоящем и, действуя здесь, делают свою значимость ощутимой уже сегодня, еще до того, как наступит завтрашний мир. Эти деятельности протекают сейчас в телах каждого из нас, в самом буквальном смысле.

Поддержание порядка и избежание хаоса в нашем сложном обществе осуществляются благодаря тому сдерживающему влиянию, которое относительно гомогенный мир традиционного прошлого оказывает на растущую гетерогенность, выражающуюся в нововведениях и экспериментах разворачивающегося будущего. Гетерогенность растет и ширится, но всегда остается при этом под эффективным контролем. В этом мире

эмерджентного изменения все поколения вовлечены в переход. Базисные отношения между старшими и младшими поколениями, которые характеризовали все прежние общества, теперь во многом утратили свою силу; не только молодые учатся у старших, но и старшие, чтобы выжить, с необходимостью должны учиться у молодых. Все человеческие организмы вовлечены в этот эмерджентный процесс. Чтобы сохранять чувство социальной реальности и, может быть, даже чувство собственной психической реальности, их личности должны постоянно учиться и отучаться с тем, чтобы мочь учиться снова.

Есть несколько видимых и наблюдаемых массивных процессов в основных областях американского поведения, которые являются частью эмерджентного становления великого общества. Их можно сформулировать в виде простых, описательных, поддающихся проверке утверждений, на которых можно уверенно строить те выводы об эмерджентном обществе, которые сделал я. Это следующие утверждения:

1. После великих миграций Девятнадцатого Столетия, положивших конец западному фронтиру, популяции Америки продолжали расти и расселяться по всем регионам нашей страны. Вместе с тем повысился удельный вес роста крупных городских центров и ускорилось — а со временем и в огромной степени возросло — выдвигание их на передний план как коллективных сред обитания огромного множества людей. Эти текущие коллективные агломерации — физические реалии, символизирующие и воплощающие эмерджентный социальный процесс.

2. Простые экономические и иные социальные структуры — в том числе корпорации, церковь, государство, образование и ассоциации, — бывшие некогда типично локальными, во все большей степени становятся сложными, крупными, иерархическими и, часто, национальными или интернациональными организациями.

3. Штаб-квартиры корпораций и других крупных институтов, а также высокие места во всех этих сложных организациях, в которых принимаются решения, все более концентрируются в немногих крупных метрополисах; а принимаемые там решения обычно являются по масштабу своего действия, сложности и значимости общенациональными. Таким образом, движение населения, усложнение экономической и технологической структуры и других крупных организаций синхронизируются и соединяются воедино как части эмерджентного процесса.

4. Системы ценностей и представлений становятся все более рациональными, секулярными и технологическими.

5. Нерациональные представления морального порядка также разрастаются, подпитываясь в первую очередь семьей и нашими пережива-

ниями в семье; получая поддержку на общенациональном уровне, они расширяются и приобретают новую значимость.

6. Общественное мнение, структурированное политическими партиями, помогает изменить точку привязки общественного морального действия и санкции и переносит ее с локального на общенациональный уровень; таким образом, оно имеет инновационный характер, однако общий эффект влияния политических партий на политическое и моральное мнение состоит в поддержании традиционных ценностей.

7. Противодействующие силы традиционной гомогенности действуют так, что благодаря движениям, развертывающимся внутри и вне церкви, воссоздаются многие из старых форм нашей сакральной символической жизни.

8. С точки зрения потребностей текучего (fluid) и гибкого общества, жестко фиксированный статус не является более адаптивным, создает конфликт и, как следствие этого, быстро преобразуется в открытый статус, дающий индивиду и его семье большую свободу нестесненного передвижения и позволяющий им легче находить себе применение в изменяющемся мире. Все данные нашего исследования свидетельствуют о том, что каста, основанная на цвете кожи, закрытые классовые системы и другие формы ранга, навечно фиксирующие место индивида и его семьи, не могут более сохраняться.

9. Образование, особенно высшее, стало великим трансформатором. Его институтам и процессам делегирована ответственность не только за создание новых идей развивающейся эпохи, но и за развитие всех видов человеческих дарований, вплоть до того, что образование в жизненном цикле индивида все более тяготеет к тому, чтобы, начавшись в начальной школе, продолжаться путем «непрерывного обучения» в течение всей его жизни. В нашем обществе образовательная структура переместилась в настоящее время из локальных сообществ в государственные колледжи; кроме того, национальное государство и иные организации оказывают сегодня влияние на определение локальных решений.

10. С этими изменениями в наших ценностях, представлениях и поведении связано быстрое развитие разветвленного национального аппарата государственного управления, регулятивных учреждений и служб, который играет все большую роль в поддержании и санкционировании новой общенациональной морали (которая ныне покидает автономные локальные сообщества с тем, чтобы быть по-новому сформулированной в Вашингтоне). Новые государственные структуры и формы поведения уравнивают это удаление экономической и социальной власти из локальных сообществ.

11. Все это — часть эмерджентного процесса великого общества. Говорить о том, является ли происходящее вокруг хорошим, плохим или не тем и не другим, не входит в мои задачи как социального ученого; свою задачу я вижу скорее в том, чтобы придать всему этому смысл и сообщить то, о чем говорят имеющиеся данные.

Общий замысел моего исследования определяется несколькими ключевыми вопросами:

Какие процессы, действующие в моральной системе, технической системе и системе верований корпораций и других типов крупных организаций — в том числе образовательных, церковных и политических, — внедряют новое, реформируют старое и инкорпорируют то и другое в дальнейшее эмерджентное становление крупных организаций на территории всех Соединенных Штатов?

В каких направлениях развиваются в нашем обществе локальные сообщества, крупные городские агломерации, рыночные города и т.д.? И, в более широком плане, в каком направлении — по мере того, как прошлое перетекает через настоящее в будущее, — эволюционирует наше общество в целом?

Каким образом локальные коллективы, корпорации и другие организации испытывают на себе влияние эмерджентных процессов великого общества? Какое значение имеют эти базисные вопросы об обществе для понимания индивидуального поведения в Америке?

Дабы развить аргумент об эмерджентной природе меняющихся связей между сообществом и корпорацией в эволюционирующем обществе, я обращусь здесь к нашему раннему исследованию корпорации и сообщества в Янки-Сити. Далее, пользуясь нашим последним эмпирическим исследованием, я прослежу процесс превращения тех же корпораций в крупные комплексные структуры по мере их разрастания в расширяющуюся корпоративную структуру американского общества. Как только это будет сделано, я проанализирую результаты нашего исследования поведения руководителей корпораций и федеральных чиновников, охватившего все Соединенные Штаты. Я сделаю некоторые ограниченные выводы о корпорации и сообществе, после чего вновь обращусь к более широкому значению сообщества и корпорации в контексте эмерджентного процесса великого общества.

Расширяющаяся корпорация в сужающемся локальном сообществе

Исследование Янки-Сити, проводившееся в первой половине 30-х годов, впервые довело до моего понимания некоторые из этих факторов, присутствующих в меняющейся американской корпоративной структу-

ре и жизни сообщества, особенно эмерджентный процесс, взаимно связывающий изменения в социальных и статусных структурах с технологией. Позднейшее исследование нескольких тысяч лидеров крупного бизнеса, проведенное в 50-е гг., расширило мои представления о том, что происходит в других сообществах США. Мое нынешнее исследование позволяет мне продолжить анализ усложнения этих крупных корпоративных предприятий.

В Янки-Сити из простого и недифференцированного общества развился особый тип экономической жизни, известный из книг по истории Новой Англии. В эпоху кораблестроения, судоходства и рыболовства получило развитие огромное множество ремесел. Сюда входили такие виды первичной промышленности, как резьба по дереву, производство снастей, кузнечное дело и изготовление парусов. Но самым важным промыслом, в свете его дальнейшего развития, было производство обуви.

Во время исследования Янки-Сити мы подвергли башмачное ремесло систематическому изучению. Частью этого исследования было ознакомление с историческими документами, а также другими исследованиями обувной промышленности в целом, с тем, чтобы понять некоторые из изменений в направлении развития этой промышленности как таковой. Вскоре мы выяснили, что имеем дело не с одной историей обувной промышленности, а с несколькими. Нам удалось отследить по крайней мере шесть таких историй. На рис. 1 они пересекают страницу слева направо, начинаясь с колонки «Технология» и заканчиваясь колонкой «Структура отношений». Истории каждого из этих аспектов идут от древних истоков, которые находятся внизу страницы, и движутся, проходя через другие фазы, к строке «Сегодня и завтра». Технологическую историю обувной промышленности Янки-Сити удобно было бы подразделить на пять этапов. В технологической истории присутствуют как минимум два важных момента. Орудия труда претерпели изменение от нескольких основных, полностью ручных, до машин и конвейерных линий; а продукт — от простой пары башмаков до десятков тысяч пар обуви массового производства.

Еще один важный момент — это изменения в форме разделения труда. Вначале либо семья сама обеспечивала себя обувью, либо башмаки для семьи делал высококвалифицированный мастер, сапожник. Со временем высококвалифицированные работы распределили между собой несколько семей; а позднее один человек стал препоручать квалифицированные работы нескольким — немногим числом — людям и их семьям. В конце концов, образовалась центральная фабрика, и работы были раз-

	Технология	Форма разделения труда	Форма собственности и контроля	Отношения "производитель-потребитель"	Трудовые отношения	Структура отношений
V Сегодня и завтра	Возрастающая автоматизация, рука и белый воротничок	Низкоквалифицированные работы	Собственность становится все более далекой	Преобладает крупная сеть магазинов	Консолидация профсоюзной силы	Национальная и международная корпоративная структура
IV 1920-1945	<i>Машинные орудия труда:</i> массовое производство, методы конвейерной линии	Почти все работы низкоквалифицированные; очень большое число рутинизированных работ	<i>Внешнее</i> владение и управление предприятием (орудия труда берутся в аренду)	Очень немного розничных магазинов; фабрика - один из источников поставок продукции в сеть обувных магазинов	Рост отраслевых профсоюзов под надзором государства - отсутствие или слабость профессиональных союзов	Центр господства: Нью-Йорк и Вашингтон. Очень сложная финансовая структура производства и сбыта. Местная фабрика не обладает в ней значимостью
III Поздний промежуточный период (примерно до Первой мировой войны)	<i>Машинные орудия труда:</i> преобладание машин; начало массового производства с применением машин (Маккей)	Центральная фабрика с машинами; все еще сохраняется высокая степень мастерства во многих работах	Сначала небольшой, а позднее большой слой местных составляющих людей, владеющих или сдающих в аренду орудия труда и машины	Национальный рынок и местный капиталист; многочисленные розничные магазины	Цеховые отношения и ученичество (Сюз св. рислина)	Центром господства является локальная фабрика; сложная иерархия в системе местной фабрики
II Ранний промежуточный период (примерно до гражданской войны)	<i>Машинные орудия труда:</i> машин немного, первый опыт их применения (Элиас Хау и другие)	Один человек препоручает высококвалифицированные работы немногим; высококвалифицированные ремесленники (система "аренды")	Мелкие, локально контролируемые производители; орудия все еще во владении рабочих, сырьем владеет капиталист; рынок контролируется "владельцем"	Владелец и торговцы, обслуживающие региональный потребительский рынок	Неформальные отношения, отношения ученичества и ремесленные цеховые отношения	Сугубо экономическая, родства более нет; рабочие подчинены управляющему
	<i>Ручные орудия труда:</i> возрастающая специализация и накопление ручных орудий труда	Специализация труда между несколькими семьями; мало высококвалифицированных работ	<i>Локальный контроль:</i> не все башмачники нуждаются во владении всеми орудиями труда; начало специализации	Местный закупщик у нескольких производящих семей продает продукцию (центральная фабрика отсутствует)	Родственные и соседские отношения между работниками	Полуэкономическая, но также родственная и соседская
I Начало (начало 1600-х годов)	<i>Ручные орудия труда,</i> немногочисленные, основные и простые	Все производственные навыки и умения сосредоточены в семье, в т. ч. производство обуви; многочисленные сапожники, работающие на локальный рынок	<i>Локальный контроль:</i> навыки, орудия и материалы находятся во владении и под контролем каждой семьи или местного сапожника	Семья производит и потребляет обувь и большинство других продуктов	Преимущественно семейные отношения между работниками	Очень простая, неэкономического характера; непосредственная семья

Рис. I. Корпорация, сообщество и эмерджентное общество

делены на большое число систематизированных и низкоквалифицированных задач. История собственности и контроля соотносится с изменениями в разделении труда. В первое время владельцем орудий труда, навыков и материалов была семья; со временем обеспечение сырьем — а вскоре также орудиями труда и машинами — перешло в ведение владельца-управляющего. Схожую историю представляет нашему вниманию и

последовательность развития отношений «производитель — потребитель». Семья производила и потребляла свою обувь всецело в кругу своей простой единицы; затем потребительско-производительной единицей стало локальное сообщество; и, наконец, рынок стал национальным и даже всемирным. Трудовые отношения тоже изменились: отношения, основанные на родстве и семейных узах, уступили место отношениям, основанным на профессиях, при которых отношения «ученик—мастер» были вытеснены, а доминирующей единицей в организации трудовых отношений стал индивид. Структура экономических отношений тоже претерпела изменение: на место непосредственной семьи пришла локальная иерархия, а на место корпорации, находящейся в локальном владении, — широкая и сложная национальная иерархия, находящаяся во владении, управлении и под властью лиц и организаций, локализованных в Нью-Йорке.

В третьей фазе появляется новая экономическая роль, а старая начинает приобретать новую форму и занимать новое место в сообществе. Родается капиталист; на протяжении последующих нескольких периодов он развивается и достигает окончательной зрелости. Тем временем рабочий утрачивает контроль над своим временем и своими навыками и занимает подчиненное положение в *локальной иерархии*. Таким образом, в системе производства обуви утверждаются различные, противостоящие друг другу силы. То, что хорошо для одной, не обязательно хорошо для другой, однако взаимозависимость этих двух противоположных сил все еще очень тесна, могущественна и в высокой степени необходима. Орудия труда, навыки и рабочие места мануфактурного производства принадлежат рабочему, но сырье, место складирования и рынок находятся теперь в собственности местного владельца и управляющего.

В четвертый период окончательно складывается капитализм; производитель теперь стал собственником орудий труда, машин и промышленного предприятия; он контролирует рынок. Капиталист стал суперкапиталистом; рабочие забыли о своей обособленной цеховой гордости, отбросили разделявшие их небольшие различия и объединились в единый отраслевой профсоюз с десятками и сотнями тысяч рабочих по всей стране, соединив свои силы в собственной иерархии, призванной отстаивать их интересы перед лицом управленческого персонала.

В пятый, сегодняшней, период началась автоматизация в области технологии, но она развивалась не так быстро, как в других отраслях промышленности; работы до сих пор остаются низкоквалифицированными, владение удаляется все дальше и дальше и становится все более дале-

ким от локального сообщества, центр господства и место принятия решений находятся теперь в другом месте, а именно, в крупном метрополисе. Короче говоря, сложные крупные организации связали Янки-Сити и многие другие сообщества, являвшиеся некогда локальными и автономными, в более масштабную структуру великого национального общества. Теперь основным местоположением экономической власти и принятия решений стал Нью-Йорк. Регулятивные органы, антимонопольные процессы и решения Верховного Суда влекут менеджеров и профсоюзных руководителей в Вашингтон. Там же зачастую локализируются и крупные отраслевые и иные ассоциации.

Федеральное правительство, благодаря эмерджентному становлению морального мнения и национальной правительственной санкции, приняло роль, находившуюся прежде в ведении частного бизнеса, и посредством регулирования и силы общественного мнения в значительной степени ограничило сферу свободного выбора для локальных сообществ. Местные руководители высшего звена чувствуют утрату власти и свободы действия, которые были к тому же еще более ограничены крупными профессиональными союзами.

Таким образом, в социальной организации обувных предприятий Янки-Сити в последние годы происходили одновременно два основополагающих изменения. Первое — это расширение иерархии вверх и за пределы Янки-Сити, происходившее вследствие роста огромных корпоративных предприятий в сотнях сообществ по всем Соединенным Штатам, а также создания головных учреждений в отдаленных крупных городах. Второе — это разрастание структуры за пределы Янки-Сити и других малых и больших городов, происходившее вследствие развития ассоциаций товаропроизводителей и профессиональных союзов, которые располагают теперь столичными штаб-квартирами и отделениями во многих других сообществах, производящих обувь, по всем США. Вертикальное и горизонтальное разрастание происходили согласованно, реагируя друг на друга; оба эти процесса уменьшают контроль Янки-Сити и других сообществ над своими предприятиями, все больше и больше подчиняя локальные корпорации, или сегменты, внешнему контролю. Власть, деньги и престиж перетекли вверх и за пределы маленького города, в крупные экономические метрополисы большого бизнеса и великий политический метрополис большого правительства.

Тем временем национальные отраслевые ассоциации частных предпринимателей, разрабатывая соглашения между конкурентами по бизнесу, все более сужающие сферу конкуренции и регулирующие и ограничивающие свободу каждого из их членов, еще более ограничивают сво-

боду местных управляющих, и это служит показателем того, что внутренняя организация бизнеса претерпевает изменения, ведущие к упадку частного предпринимательства. Так называемый «свободный договор», некогда характеризовавший отношения между трудом и менеджментом в локальном сообществе, когда местный индивидуальный работник соглашался продать местному предпринимателю свои услуги за определенное денежное вознаграждение, почти исчез. Понятие «свободного договора», когда оно применялось управленческим персоналом, было могущественным защитником экономического положения высшего среднего и высших классов и помогало держать под контролем действия и требования рабочих, принадлежащих к низшему классу. Теперь центральное правительство, обретя новый моральный авторитет, определяет минимальный размер заработной платы; социальное страхование и другие правовые оговорки сделали «свободный договор» менее значимым в сфере отношений между трудом и менеджментом.

Исследуя Янки-Сити, мы пришли к выводу, что сегментация повседневной жизни и возрастание сложности американского сообщества, сопровождающиеся соответствующим движением в сторону переклассификации социальных различий во все более крупные социальные единицы, увенчались образованием «крупных холдинговых компаний и гигантских картелей, связывающих и интегрирующих мириады самых разных единиц меньшего размера в общие корпоративные предприятия». Между тем, контроль над этими крупными структурами неудержимо перемещается вверх во все более разрастающейся иерархии и переходит в руки все более немногочисленных могущественных людей. Что касается государственного управления, то локальные низовые деятельности становятся более разнообразными и специализированными, тогда как более крупные политические единицы на более высоких уровнях продолжают абсорбировать власть и контроль. Власть неизбежно перемещается на верхние ступени государственной лестницы, находящиеся в Вашингтоне.

Функции и автономия многочисленных локальных сообществ по всем США радикально сокращаются. В прежние времена первичное взаимодействие почти всецело происходило в поселках и городах, где групповая жизнь мужчин и женщин характеризовалась отношениями лицом-к-лицу. В настоящее время, с появлением крупных сложных организаций, проникающих во все части нашей жизни – технологическую, моральную и сакральную, – произошло рождение крупного национального сообщества, и именно в нем теперь происходят непосредственное действие, коммуникация и отношения лицом-к-лицу.

Великое общество и крупные организации

Недавние изменения в иерархической и аристократической структуре корпораций, а также концентрация экономической и социальной власти и престижа на верхних ее ступенях исследовались очень многими учеными. Корпоративную иерархию следует рассматривать в сравнительном аспекте, как всего лишь один из многих типов иерархий. Все прежние формальные группировки, кроме семьи, развили сложные иерархии, пронизывающие теперь все национальное общество; бесчисленные деятельности наших многочисленных локальных сообществ и многочисленные действия всего нашего народа стали, таким образом, частью великого общества. Все эти большие корпорации, большие правительства, большие церкви, большие профсоюзы и большие ассоциации взаимосвязаны друг с другом и находятся во взаимном влиянии, особенно на высших своих уровнях.

Каждая из этих крупных организаций сталкивается с проблемой того, как связать свой порядок с более широким обществом, сложность и гетерогенность которого также возрастают. Каждая «переживает» влияние со стороны других, иногда в форме ограничения того суммарного изменения, которое могло бы произойти, если бы эта организация функционировала сама по себе. Иногда, когда некая иерархия прямо или косвенно чувствует радикальные социальные изменения, происходящие в одной или нескольких других, в ней также становятся необходимыми радикальные изменения. Примером такого влияния служат экуменические движения в протестантских церквях и их попытки организовать в более широкие порядки, дабы более эффективно справляться с теми сложными социальными и духовными проблемами, которые порождаются эмерджентным становлением великого общества.

С увеличением размера, сложности и гетерогенности этих крупных иерархий происходит также их территориальное расширение и расширение в социальном пространстве. Все больше локальных сообществ и их популяций втягиваются в развитие этих колоссальных иерархий. При этом социальные институты, в рамках которых разрастаются эти иерархии, становятся все более интегрированными частями локальных сообществ, а вне каждого из них связываются со все более и более разнообразными и многочисленными институтами, людьми и субкультурами по всей Америке. По мере того, как они растут и развиваются, пятьдесят штатов быстро превращаются в единое сообщество; в любом исследовании сообщества, корпорации или других крупных организаций следует принимать во внимание эти факты.

Отныне сложилось великое первичное общество. Многие локальные группы все еще сохраняют свое важное значение и остаются необходимыми частями нашего социального аппарата, однако, не обладая более своей собственной автономией, они стали теперь неотъемлемыми частями более широких американских – если не сказать мировых – социальных систем. Происходящие изменения породили великое общество, которое продолжает возникать и становится чем-то большим, нежели то, что оно представляет собой сейчас. Параллельно структуре этого великого общества происходит развитие корпоративных структур, других крупных организаций, а также новых способов мышления и символических систем, которые эффективнее связывают людей из разных регионов и разных сегментов разделения труда.

Эволюция этого нового мира неуклонно возрастающей разнородности неизбежно означает развитие крупных организаций, призванных действительно и согласованно связать всех людей в великом обществе, дабы те могли вести себя с такой упорядоченностью и эффективностью, которая позволила бы им достичь нового, более развитого и продуктивного общественного труда, в который мы включаем не только труд наших экономических институтов, но и все социальные деятельности самого общества. Только в этих рамках мы сможем достичь понимания людей и институтов, вовлеченных в те крупные сложные группы, которые составляют экономическую, политическую, гражданскую, церковную и иные части американской социальной структуры.

Исследование карьер более 8 тысяч лидеров крупнейших корпораций США, занятых во всех типах деловых предприятий, которое Джеймс Абеглен и я провели в 1952 г., открыло вниманию два очень важных набора фактических данных, свидетельствующих в пользу выдвинутого здесь тезиса об эмерджентном становлении великого общества. Один из самых общих выводов исследования, в котором изучались род занятий, образование и территориальное происхождение отца, состоял в том, что на высших уровнях управления американское общество, в самом широком смысле, не становится более кастовым; рекрутирование лидеров бизнеса снизу в настоящее время происходит и, видимо, будет возрастать. Мобильность, ведущая наверх, не уменьшается; на протяжении, по крайней мере, последней четверти столетия она, фактически, возростала.

Данные говорят о том, что наше общество стало гибче, чем раньше; больше людей и их семей находятся в социальном движении; пессимизм по поводу уменьшения гибкости и мобильности ни на чем не основан. Во всех сообществах Соединенных Штатов люди со всех уровней дви-

жуются наверх. Большинство людей оседает в очень немногочисленных корпорациях, но продолжает восходящее движение уже внутри них.

Карьеры лидеров крупного бизнеса изучались с того момента, когда они впервые поступали на работу, до момента их интервьюирования; в это время им было в среднем пятьдесят три года с небольшим. Это исследование проводилось также и с тем, чтобы определить, насколько велика циркуляция населения в США — из региона в регион, из небольшого города в крупный и из большого города в маленький. Около 40 процентов деловой элиты живут сегодня в том же штате, в котором они родились, и многие из этих людей переехали с ферм и из небольших городков в большие города. Эту группу людей характеризует высокая степень территориальной мобильности. Более половины из тех, кто родился в крупном городе, в настоящее время живут в том же штате, в котором они родились. С другой стороны, больше половины людей, родившихся в небольших городах (с населением от 2500 до 25000 человек), уехали из того региона, в котором они родились. Из этого можно заключить, что основной силой в их территориальной мобильности является потребность в перемещении в крупные города с тем, чтобы сделать там карьеру в бизнесе.

Движение людей и их семей из сообщества в сообщество происходит упорядоченно и организовано. Ежедневная и ежечасная коммуникация между людьми, занятыми в одной и той же или в разных корпорациях, не замыкается в пределах сообщества, а является общенациональной, и вся она организуется по большей части не только силой крупных корпоративных комплексов, но и силой других типов крупных организаций, существующих в нашей стране. Решения, принимаемые в корпоративных штаб-квартирах, расположенных главным образом в крупных экономических метрополисах, в политическом метрополисе Вашингтона или иногда в столицах штатов, оказывают на взаимосвязанные комплексы сообществ и корпораций такое воздействие, которое побуждает их быстро сплаваться в то, что я назвал «великим обществом».

Эмерджентный процесс и его будущие направления

Теперь мы вновь готовы поставить вопрос: «Что мы имеем в виду под эмерджентным обществом?» Чтобы ответить на него, нужно сначала задать более конкретный вопрос: что мы имеем в виду под обществом? Затем мы сможем обратиться к более важному для нас оперативному вопросу: что мы имеем в виду под эмерджентным?

Американское общество, как оно здесь понимается, — это широкая взаимосвязанная совокупность первичных отношений, образуемая составными частями, целостность которых представляет собой социаль-

ную систему. Составными частями структурной формы нашей жизни являются: взаимосвязанные социальные позиции, упорядочивающие все деятельности, выполняемые членами системы; технология, которая инструментализирует систему и адаптирует общество в целом к природе; а также символы, представления и ценности социальной системы, в том числе сознательные и неосознанные взаимодействия и рациональные и нерациональные принципы, мотивирующие и определяющие поведение тех, кто включен в американскую социальную систему.

Все части этого общества, как мы можем теперь сказать, находятся в эмерджентном становлении и изменяются: каждая внутри себя, каждая по отношению к другой и каждая в рамках той тотальной системы, какой является более широкое американское общество.

Посредством возрастающего применения технического, научного и рационального знания и квалифицированного использования орудий и машин для удовлетворения материальных потребностей населения эта технологическая подсистема контролирует и трансформирует природную среду. Посредством морального упорядочения отношений между теми, кто занимает ее различные экономические и социальные статусы — такие, как статусы менеджеров и рабочих, покупателей и продавцов, родителей и детей, мужей и жен, — она регулирует человеческую видовую среду, а тем самым обеспечивает тех, кто взаимодействует в тотальной социальной системе, правами и привилегиями, обязательствами и обязанностями.

Эти адаптивные подсистемы находятся во взаимной зависимости. Символы морального порядка — символы, передающие групповые значения правил, руководящих человеческим поведением, и выражающие групповые представления и ценности о правильном и неправильном, хорошем и плохом, том, что заслуживает вознаграждения, и том, что заслуживает наказания, — являются неотъемлемыми частями базисной моральной связи общества с животной жизнью вида.

Перенесем теперь внимание на другое важное понятие, упомянутое в заданном нами ранее вопросе. Что мы имеем в виду, употребляя слово «эмерджентное»? Самое общее его значение, данное в словаре, говорит о появлении новых качеств в ходе развития и о рождении совершенно новых элементов на различных этапах жизненной карьеры некоторой сущности. Сюда, разумеется, включаются все типы объектов, как человеческой, так и нечеловеческой природы. Данный термин, как он используется здесь, имеет более узкое значение и обладает большей научной полезностью. Коротко говоря, он означает, что процессы изменения сами по себе являются неотъемлемыми частями социальной системы и что сама природа системы такова, что она, чтобы оставаться тем, что она есть, долж-

на находиться в непрестанном изменении, — иными словами, каждая ее часть содержит в себе нечто возникающее и нечто исчезающее. Более того, он означает, что культурное прошлое постоянно впитывается в настоящее, а настоящее — в будущее, и что каждое из них благодаря этому процессу впитывания теряет часть своей идентичности. Наше общество не может осуществить самое себя и быть в каждый момент времени тем, что оно есть, если не будет постоянно изменяться и становиться чем-то иным. По сути, это означает, что младшее поколение в школе, да и вообще везде, учится новым способам мышления и делания, в то время как старшее поколение должно переучиваться и заново приспосабливаться к новым обычаям в промышленности и управлении, а также к новым способам организации общественных и частных отношений каждого человека. Это значит, что сами нововведения постоянно реорганизуются и переоцениваются в терминах старого, что ничто не является статичным, что всё есть движение и изменение. Значимость этого социального факта важна также и для понимания американского индивида, его личности и ее развития.

Изменение, являющееся природой нашей социальной жизни, встроено, стало быть, и в природу каждого из нас. Что представляет собой сейчас наше общество, что мы представляем собой сейчас и что будем представлять собой завтра, можно понять лишь через призму того парадоксального факта, что и мы, чтобы быть тем, что мы сейчас как индивиды собой представляем, и наше общество, чтобы быть тем, что оно сейчас собой представляет, волей-неволей должны идти по пути превращения в нечто отличное от того, что мы собой представляем сегодня. Поэтому все индивиды в нашей культуре — как мужчины, так и женщины — не могут прекращать учиться по достижении зрелости, как делают это люди в большинстве культур. Чтобы поддерживать свою адаптацию к реальному миру, окружающему их — а вместе с тем и присутствующему в них самих, — они должны постоянно учиться связывать себя с реальностью, непрерывно становящейся чем-то новым. Если говорить конкретнее, то наша научная технология и наше в высокой степени рационализированное (по сравнению с другими) общество содержат внутри себя встроенные процессы исследования и изменения, причем не просто изменения, а накапливающегося и все более ускоряющегося изменения. Более того, хотя общие ценности, составляющие ядро нашей культуры, постоянно переформируют и укрощают новые изменения в семейной жизни, труде и досуге, политике и даже наших представлениях о природе божества, эмерджентное изменение является неотъемлемой составной частью всех их. Новые изменения — это не столько добавления к прошлому, сколько эмерджентные естественные продукты непосредственного прошлого.

Мы можем пойти дальше и не просто определить общую природу эмерджентного изменения в Америке, но и перечислить некоторые его характеристики и указать направления, в которых эта эмерджентная система будет, скорее всего, развиваться. Наше общество, как мы уже говорили, проявляет все более возрастающую гетерогенность. Оно упорно движется в этом направлении, невзирая на влияния традиции, имеющие тенденцию подталкивать его к более гомогенной композиции. Вместе с возрастанием гетерогенности растет и потребность в координации специализированных и разнородных частей. Это неизбежно ведет к усложнению координирующих статусов; развитие координации вместе с ростом потребности в решениях, которые должны принимать координаторы, обычно помещает такие статусы в высшие позиции, а координируемые статусы – в низшие. Короче говоря, когда эти новые позиции институционализируются, начинается процесс разрастания простых институтов в более крупные, и в итоге складываются иерархические системы, в которых власть и престиж неравномерно распределены в соответствии с принципами иерархии.

Наше общество движется в направлении возрастающего контроля над физической и биологической средами. Это, в свою очередь, перемещает наибольшую долю власти в руки тех людей, которые осуществляют его технологическую и моральную адаптацию. Имеет место относительное и абсолютное возрастание внутренней и внешней власти, которой пользуются индивиды, составляющие нынешнее население нашей социальной системы. Это значит, что происходят увеличение власти, осуществляемой над более крупными популяциями, образующими в совокупности биологическую систему, и возрастание технологической власти над природной средой. Весь этот прирост власти и могущества обязательно должен быть социализирован и институционализирован. Весь он должен быть облечен в технологическую форму и весь должен быть упорядочен и отрегулирован нашей моральной системой. Иногда нарастающее увеличение могущества приходит с такой огромной скоростью, что у нас возникают серьезные затруднения с тем, куда его девать, что с ним делать и как упорядочить его таким образом, чтобы он преобразовался в наш образ жизни. Уходит много времени, прежде чем нам удастся перевести то, что нам приходится делать, в форму упорядоченной совокупности моральных и ментальных суждений о том, каким образом нам надлежит действовать как моральным существам.

Еще одно характерное направление развития нашего эмерджентного общества – возрастание скорости изменений. Изменение не только встроено в эту систему, но и скорость его возрастает. Мало того. По мере встраивания нового изменения в наш мир, в нашу социальную систему,

в них, похоже, одновременно впитывается и возрастающая способность ко все большему и большему изменению.

Возможно, еще одной характеристикой нашего эмерджентного мира можно считать то, что возрастающая скорость изменения тесно связана с распространением и совершенствованием социальных методов внедрения изменения во все живущие поколения, а не только в младшие. Индивиды, научившиеся ранее тому, как действовать адаптивно, могут теперь не знать, что от них требуется. Скорость изменения настолько велика, что их методы обучения становятся недостаточными для того, чтобы позволить им, нужным образом приносившись, компетентно действовать в новых контекстах. Образование для взрослых и непрерывное обучение, вечерние и заочные курсы, прочие средства, которые мы сегодня имеем, как, например, обучение на рабочем месте, — всё это способы, с помощью которых мы быстрее инкорпорируем новое знание о нашем обществе в жизни составляющих его индивидов, делая их более компетентными и уменьшая число возможных случайностей, связанных с его устареванием.

Во всех этих процессах развития возникали новые социальные обычаи и реформировались старые, чтобы связать и поставить под контроль силы разнородности и экспансии. Красной нитью через всю нашу книгу проходит понятие подвижного социального равновесия, или приспособительного изменения частей во времени. Существует ряд базисных приспособительных процессов, действующих в подвижном равновесии нашего эмерджентного общества. По мере того как общество, образно говоря, протекает в общем направлении растущей разнородности и большей дифференциации через социальное, техническое и сакральное экспериментирование, состояние подвижного равновесия иногда приближается к балансу, а иногда к дисбалансу либо во всей целостности, либо в каких-то отдельных ее частях. Тенденция гетерогенности всегда находится под давлением консервативных контр-тенденций гомогенности. Новые развития могут впаляться в более простые формы старого. Имеет место необходимая редукция многообразия. На технологическом уровне изобретаются новые научные знания и специализированные навыки и орудия, которые затем рационализируются и интегрируются в базисные, более старые формы технологической адаптации. Иногда новые изобретения, так сказать, подобострастно ждут своей очереди, передеваются, меняют внешность — порой радикально, — ради того, чтобы вписаться в старые способы действия. На уровне морального порядка рождаются новые способы действия и новые социальные подсистемы; какие-то из них перерабатываются в старые нормы, и каждая норма, старая и новая, преобразуется в этом процессе. Институт индивидуальной бакалейной лавки развился во множество магазинов, а те, в свою очередь, превратились в торговые

сети. Теперь каждый магазин становится супермаркетом, и каждый этап несет с собой новые способы действия, новые способы маркетинга, новые способы связи покупателя с предпринимателем, а предпринимателя — с более широким рынком, на котором он закупает свои товары. Тем не менее, человек, живший два поколения тому назад, распознал бы в этих нынешних необычных учреждениях магазины и быстро выяснил бы, как с ними быть.

На уровне символов и ценностей появляются новые, более специализированные символы и значения. Некоторые переводятся в старые, более понятные формы — или приравниваются к ним — и интегрируются в единую совокупность значений. Например, некоторые секты возникают на какое-то время, сталкиваются с трудностью существования и затем исчезают. Другие перенимают некоторые из старых значений общества, вплоть до того, что становятся растущими сектами и культами, которые затем превращаются в деноминации и высокоуважаемые и неотъемлемые части более широкого морального и религиозного порядка. Например, Христианская Наука имела тернистое и трудное начало, а сейчас стала, во многих отношениях, одним из нескольких признанных способов, которыми американцы могут связать себя с Богом и миром сверхъестественного. Многие пятидесятнические культы — такие, как Церковь Бога, Божье Собрание и им подобные, — были слишком девиантными и странными для обычных американцев; теперь же они стали стабилизированными деноминациями, играющими свою признанную роль в Америке и связывающими себя с более широким телом протестантизма.

Сложные общества должны иметь общее ядро базисного понимания, каждому известное и каждым используемое; в противном случае их сложные и разнородные символические надстройки не устоят. Им необходимы общие символические системы, которые каждый не только знает, но и *чувствует*. Растущая структурная разнородность и социальная сложность современного общества, возрастание индивидуальной автономии, быстрое умножение специализированных символических систем — эти и многие другие факторы создают серьезные трудности для коммуникации и сотрудничества. Если становится все больше проблем, требующих решения, если человек познает и покоряет все больше областей реальности, то общественный труд общества должен разделяться все больше и больше, а развитие символов должно идти в ногу с техническими и социальными достижениями.

Экспериментирование, гетерогенность, специализация, возрастающее разделение труда, а также скорость изменения частично ограничиваются и сдерживаются теми социальными формами и давлениями, которые дают общие переживания, общие ценности и общие верования. Общую тенденцию к гетерогенности и разнообразию уравнивает

тенденция к гомогенности и единообразию; тенденции, делающие людей разными и труднодоступными друг для друга в силу их отдельности от общностей, уравниваются тенденциями, влекущими их в общие места культурного опыта. Возросшая социальная мобильность в Америке и региональная циркуляция отличных друг от друга людей способствуют уменьшению гетерогенности. Более того, новые законы – например, о подоходном налоге, социальном страховании и многие другие – также уменьшают социальные и экономические различия и дистанции.

Возрастающая региональная циркуляция населения, испытывающего потребность вписаться не только в свое ближайшее сообщество и регион, но и в другие регионы тоже, становится частью социальной структуры США в целом. Сегодня человек, нанимающийся на работу в «Сиэрс Робак» на Юге, может со временем научиться, как приспособиться к среде Новой Англии, а уроженец Новой Англии – к южной среде. Все это оказывает радикальное воздействие на локальные культуры. Эта потребность вписаться является не только проблемой мужчины, занятого в том или ином деловом предприятии, но и, что еще важнее, характеризует жизнь его жены и детей. Они переезжают вместе с ним с места на место, учатся изменять свое мышление и становятся изменяющимися людьми в изменяющемся мире.

Значимость локального сообщества радикально меняется. Раньше оно было тем местом, где происходило первичное взаимодействие, а групповая жизнь мужчин и женщин характеризовалась отношениями лицом-к-лицу. В наше время рождается более широкое сообщество. Именно в нем теперь продолжают прямое действие, коммуникация и отношения лицом-к-лицу, благодаря эмерджентному становлению крупных сложных организаций во всех частях нашей жизни – технологической, моральной и сакральной. И главным образом по этой причине люди часто взаимодействуют с другими в масштабе всех Соединенных Штатов.

Именно в этом мире функционируют, существуют и должны быть поняты крупные корпоративные иерархии. В следующей главе мы анализируем корпоративную иерархию и ее место в великом обществе. Для этого нам нужно будет представить обзор сопутствующих изменений в большом правительстве и особых функций, выполняемых политическими партиями в поощрении и обуздании инноваций и традиционных способов мышления и действия.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент социологического факультета Государственного университета – Высшей школы экономики (Москва). E-mail: vnik1968@yandex.ru.